

Крыленко Николай Васильевич

Суд и право в СССР

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
Суд и право в СССР: Часть 2 / Крыленко Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 158 с.

ISBN 978-5-519-91332-4

ISBN 978-5-519-91332-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Если «Основы судопроизводства», однако, чем-нибудь отличаются в положительную сторону от разобранных уже нами «Основ судоустройства» и «Основ уголовного права», то это тем, что они в гораздо большей степени, чем судоустройственные нормы, представляют собой, за малыми исключениями, изложение именно «Основ», т. е. основных принципов, *основной канвы*, основных вех, исходя из которых должно затем строиться процессуальное право союзных республик. В отличие от судоустройственных норм, где мы видели целый ряд статей, определявших с излишней подробностью и детализацией принципы организации судебных учреждений, здесь, как правило, можно отметить скорее чрезвычайно широкий, слишком общий характер основных положений, лишенных иной раз необходимых существенных указаний.

Эту общую оценку второго разбираемого нами исторического документа мы считаем необходимым предпослать раньше, чем перейдем к конкретному анализу отдельных его статей. Чтобы подтвердить правильность приведенной выше общей характеристики недостаточной технической выдержанности построения самого документа, достаточно указать на систему расположения в этом документе основных его материалов. Уже это одно покажет, насколько недостаточно согласовано было само построение документа и насколько несовершенным является он в этом отношении.

Материал расположен следующим образом. Первые две статьи ставят основной общий вопрос о разграничении компетенции Союза и союзных республик в области норм, которыми должны вообще руководствоваться судебные учреждения в области процесса. Эти статьи и вызвали наиболее жаркие споры, и поэтому они точнее и лучше формулированы, чем другие. К сожалению, они являются как раз статьями, которые ничего не дают конкретного в области процесса как такового, определяя только, чем должен руководствоваться суд, а не то, как должен вестись процесс.

Ст. 3 определяет, с процессуальной точки зрения, материальную силу уголовных законов, действовавших до и после совершения преступлений. Это чрезвычайно важная, одна из важнейших статей. И, тем не менее, именно эта статья сомнительна как раз с точки зрения целесообразности ее помещения в сборнике процессуальных норм.

Ст. ст. 4, 5, 6, 7 и 8 являются статьями, определяющими порядок возбуждения преследования и расследования по делам, когда дело уже возбуждено.

Это — все типично процессуальные статьи, связанные между собой определенным внутренним единством — порядком развития процесса. Рядом с ними, однако, помещены ст. ст. 9, 10, 11 и 12, определяющие исключительно порядок применения, в качестве меры пресечения, лишения свободы. С процессуальной точки зрения эти статьи являются частными нормами по отношению к основной общей теме развития процесса. Тем не менее им придано несоответственно большее значение, чем они действительно этого заслуживают; с точки зрения изложения идей процесса, а не идеи охраны неприкосновенности личности, они должны быть признаны занимающими несоответственно большое место.

Ст. 13 определяет нормы подсудности, общие для процессуальных кодексов всех союзных республик. И лишь 14 и др. статьи определяют непосредственно технику процесса. Только эти статьи, от 14-й по 31 включительно, представляются по существу основными процессуальными статьями, однако они далеко не равноценны по значению, о чем ниже.

Если эти статьи логично и последовательно помещены в конце, как определяющие последний завершающий момент прохождения уголовного дела, то странным является помещение здесь ст. 32, являющейся *буквальным повторением*, с некоторыми изъятиями, ст. 19 «Основ судостроительства» о порядке исполнения на территории одной республики распоряжении судебно-следственных властей другой республики, и ст. 25, являющейся почти *буквальным повторением* (изменения лишь технические, редакционные) ст. 5 «Основ судостроительства» — о недопустимости начала апелляции в нашем процессе. Этот последний факт наличия повторения двумя одновременно изданными памятниками одних и тех же статей показывает, насколько мало обработанным с технической стороны является рассматриваемый нами документ.

Эту внешнюю, далеко не говорящую в пользу разбираемого документа, характеристику, раньше чем перейти к непосредственному анализу «Основ судопроизводства», мы дополним принципиальным анализом того, чем должны быть, по нашему мнению, процессуальные нормы, каково должно быть их назначение в общей системе советского уголовного права и насколько отвечают этому назначению «Основы судопроизводства» как памятник определенной эпохи, возникшей в определенных условиях места и времени в истории пролетарской борьбы.

В истории процесса процессуальные нормы, как правило, не отрываются от законов, определяющих устройство судебных учреждений, т. е. от судоустройственных норм. Последнее было вполне понятно, поскольку исторически, после того как был разрешен вопрос о том, как нужно построить судебные учреждения, сейчас же вставал вопрос, *по каким правилам* суды должны технически работать. В силу этого исторически лишь в более позднее время процессуальные нормы начинают выделяться как специальная отрасль права, имеющая свои принципы и законы и нуждающаяся в отдельном законодательном нормировании, а следовательно, и в изучении и толковании.

Исторические памятники первого периода законодательства в области судоустройства сливались поэтому обе эти отрасли законодательной работы — законы о судоустройстве и законы о процессе — в один законодательный акт. Так же строило свои законы и первое законодательство пролетарской революции.

Уже в декрете о суде № 1, наряду с изложением основных принципов строения судов, мы имеем ряд статей, трактующих о процессуальных нормах и вкрапленных среди статей о судоустройстве. Инструкция Штейнберга о революционных трибуналах от декабря 1917 г., наоборот, содержит в себе гораздо больше судопроизводственных норм, чем судоустройственных, и, тем не менее, также построена на началах смешения тех и других. В еще большей степени этим же отличаются первые большие органические и более или менее разработанные законодательные акты советского права: декрет о суде № 2, Положение о народном суде 1918 г., Положение о народном суде 1920 г. и все первые положения о революционных трибуналах 1919 и 1920 гг. Наконец, так же построены и Положение о полевых судах и Положение о военных революционных трибуналах. Известный циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от ноября 1918 г., явившийся в свое время исчерпывающей инструкцией для революционных трибуналов, отличается той же особенностью. И лишь с 1922 г., с момента издания УПК, процессуальные нормы отделяются от норм судоустройственных и, как систематизированный и внутренне согласованный некоторой общей идеей сборник, появляются раньше судоустройственных норм и одновременно с нормами материального права.

Как известно, Уголовно-процессуальный кодекс и Уголовный кодекс одновременно вступили в действие с 1 июня 1922 г., в то время как Положение о судоустройстве введено в жизнь с 1 февраля 1923 г.

Что же из себя представляют процессуальные нормы? По идее они являются нормами, регулирующими, как мы говорили выше, *технику процесса*, т. е. порядок и правила рассмотрения дел. Поэтому первые наброски УПК именовались «Положением о порядке производства уголовных дел».

Как технические нормы процессуальное право поэтому должно строиться прежде всего в точном соответствии с основными целями, которые преследуют нормы судостроительные и нормы материального права, — обеспечить классовую защиту данного общественного порядка от его нарушителей. Такова была основная цель, руководящая задача, которую всегда ставил перед собой господствующий класс, когда он становился у власти, и которую с тем большим основанием должен был поставить перед собой до сих пор бывший угнетенным рабочий класс. Как мы видели при анализе норм судостроительства, в нашей революции именно поэтому, исходя из этих целей, он позаботился прежде всего о том, чтобы состав суда был составом классовым, чтобы контроль над судебной работой находился в руках руководящего авангарда этого класса, а в нормах материального права, как мы увидим это ниже, прежде всего о том, чтобы репрессии более жестко применялись к его классовым врагам и чтобы суд менее жестко подходил к провинившимся из среды трудящихся масс.

Должны ли были эти идеи отразиться в построении процесса? Представляется совершенно бесспорным, что не только должны были, но и не могли не отразиться. Мало того. Этим, и только этим, должен определяться, по нашему мнению, основной принципиальный подход всякого законодательства к вопросам судебного процесса.

Процесс должен строиться так, чтобы обеспечить возможно большее и возможно полное достижение тех целей, для которых строится суд вообще и материальное уголовное право в частности. Если эти цели в нашем анализе «Основ судостроительства» мы определили как самозащиту общества трудящихся от классовых врагов, с одной стороны, и общественное воспитание трудящихся путем применения репрессий к нарушающим общественный порядок — с другой, то всякая норма процессуальная, которая бы вступила в противоречие или препятствовала бы выполнению этих задач, должна была быть нами отброшена как негодная, как препятствующая достижению этих двух основных целей.

Таков должен был быть подход, должен был быть единственный критерий в оценке приемлемости тех или иных процессуальных норм у пролетариата. Как же обстояло в этом отношении дело

реально, исторически, в живой действительности, в процессе создания развития и систематизации нашего процессуального права? К сожалению, в этом отношении дело далеко не обстояло благополучно.

Если при построении судеустройственных норм и в известной части норм материального права, о чем мы также ниже будем говорить, в господствующем сознании работников — революционеров Октябрьской революции — эти идеи о целях и задачах суда не только не были в достаточной степени и мере отчетливо выявлены, но в определенной степени дополнялись рядом идей иного порядка, идей, заимствованных из арсенала либерально-буржуазной юстиции, характерных не для Октябрьской, а для Февральской революции или даже для эпохи гораздо более ранней, так называемой эпохи реформ 60-х гг., или вообще из арсенала общедемократических идей, — то в области процесса положение было еще более тяжелым, неясным и запутанным.

Партийно-политическая программа не говорила ничего конкретного по вопросам процесса, кроме упоминания о том, что суд должен быть *наиболее доступным* для широких масс населения, и только. Как осуществить эту доступность, об этом программа умалчивает. Программа же РСДРП (а не программа коммунистической партии), — программа, которая свое историческое происхождение датировала концом XIX в., — знала некоторые пункты из области процессуальных норм, но в то же время такие, которые нынешней советской юстицией отвергаются в корне. Программа РСДРП говорила об *обязательности суда присяжных при рассмотрении политических дел*. Поскольку это была программа-минимум, направленная по адресу самодержавия или даже либерально-буржуазного государства, — а о большем программа РСДРП не мечтала, — постольку могло быть рационально и такое требование. В условиях же пролетарского государства, в эпоху классовой борьбы, перешедшей в наиболее острую форму гражданской войны, это требование партийной программы не могло быть признано ни исчерпывающим ни отвечающим вообще интересам этой борьбы.

Однако не может быть не признано характерным, что программа партии 1898 г. включала именно такое требование, и это обстоятельство не может быть не учтено как характеризующее то представление о процессуальных нормах и задачах процесса, которое было господствующим у первых строителей советского процессуального права.

Еще более отчетливо путаница этих представлений выявляется при обзоре первых процессуальных законов пролетарской юстиции эпохи 1918—1919 гг.

Влияние буржуазного процесса конца XIX в. сказалось здесь более чем сильно. Нам важно остановиться и объяснить причины этого явления.

Буржуазный процесс XIX в. пришел в Европу на смену розыскного и инквизиционного процессов, в свою очередь перешедших в новую историю из мрака средневековья. Только Англия была страной, в которой процесс развивался совершенно своеобразно, с сохранением принципов состязательности и гласности, несмотря на исторические причины, толкавшие развитие процесса в другую сторону. Но на континенте Европы королевский суд, заменивший собой феодально-сословный суд равных, явился шагом вперед по сравнению с этими последними судами, поскольку он все же строился как суд, исходивший из принципа равенства всех перед законом. Не то было к моменту полного господства абсолютизма, когда суд сделался уже тормозом для дальнейшего политического развития страны, поскольку равенство всех перед законом абсолютизм фактически превратил в равное для всех бесправие перед этим законом.

История буржуазного процесса с этой точки зрения в своем генезисе упирается первоначально в факт борьбы буржуазии против абсолютизма за освобождение от стесняющих буржуазию как класс пут абсолютизма и затем борьбы той же буржуазии за свое полное господство.

Именно поэтому пополнявшая выходцами из своей среды кадры «королевских юристов» в первый период борьбы буржуазия стремилась использовать суд и судебный процесс прежде всего как средство самозащиты, стараясь так технически построить процессуальные нормы, чтобы при помощи их получить для себя гарантию против произвола абсолютистских монархов. В дальнейшем же, уже в эпоху борьбы за конституционные гарантии, гласность процесса, публичность и в особенности состязательность процесса — вместе с идеей равенства всех перед судом и равенства суда для всех — явились поэтому для буржуазно-либерального права основными принципами, исходя из которых буржуазия думала построить «нормальный» процесс в отличие от закрытого, уходящего с исторической арены, негласного процесса абсолютизма и политически умирившего дворянского землевладения.

Организация «судов присяжных» явилась для буржуазия в этой борьбе лозунгом, который она особенно охотно использовала, так как этот лозунг позволяет ей сливать себя со всем населением страны, ставить себя под защиту «голоса народа» в виде голоса присяжных, вотирующих виновность или невиновность, независимо, а часто и против требований формальных законов. Требование суда присяжных, в особенности по политическим делам, явилось поэтому основным требованием либеральных буржуазных демократических партий во всех странах Европы первой половины или даже первых трех четвертей XIX в.

Свое распространение эта форма буржуазного процесса, однако, получила лишь в последней четверти XIX в., когда буржуазия уже перешла рубикон революционной борьбы с абсолютизмом и, сломив абсолютизм, полностью утвердила свое собственное господство.

В полном соответствии с принципами свободы торгового оборота и частно-капиталистической конкуренции идея равенства всех перед судом, вместе с максимальным развитием в суде правовых гарантий формального характера, обеспечивающих максимальную возможность для обвиняемого бороться против предъявляемых к нему обвинений, получила полное свое выражение в процессе. Другой вопрос — что очень скоро сепаратными законодательными актами буржуазия начала, наряду с этими нормами, устанавливать иные нормы для исключительных судов, которые она создавала против своих врагов, в частности против восстававших рабочих. Иное дело, что все чаще и яснее, в особенности в период непосредственно после гражданской войны, эти же ноты об оправдании исключительных судов начали звучать в произведениях буржуазных теоретиков процессуального права. Формально лозунги и принципы именно состязательного процесса оставались и остаются господствующими — на словах по крайней мере — до сих пор догмами буржуазного процессуального права.

Этот исторически возникший и развившийся процесс, построенный в основном на принципе формальных правовых гарантий обвиняемого, с одной стороны, и принципе состязательности — с другой, был тем *исторически данным* наследием, которое всей силой общепризнанного мирового авторитета как наиболее ценное детище демократии и максимальное воплощение в судебно-правовой области демократических идей предстало как факт перед деятелями Октябрьской революции в период, когда они впервые встали перед практической задачей построения *своего* процесса.

Это последнее не должно нами забываться, когда мы подходим к анализу первого памятника нашего правотворчества в этой области. К этому можно лишь добавить то, что, в частности в старой царской России, либерально-демократическая буржуазия затратила немало энергии и сил для того, чтобы всячески внедрить в сознание широких слоев революционной интеллигенции, из рядов которой вышли главные работники и теоретики Октябрьской революции, представление о том, что либерально-буржуазный процесс — так, как он был отражен в известных судебных законах царя Александра II 1864 г. — является максимальным достижением и воплощением именно этих идей и представляет собой поэтому памятник, не нуждающийся даже в какой-либо специальной переделке, а лишь в очистке от тех новелл и наслоений, которые, чтоб его испортить, были внесены в эти уставы в реакционные царствования Александра III и Николая II. Так исторически обстояло дело в момент Октября. Поэтому нет ничего удивительного, если первые акты, нормирующие процессуальные нормы после Октябрьской революции, явились не чем иным, как восприятием лишь с незначительными изменениями и переработкой именно этих явно буржуазного происхождения процессуальных норм. Мы проиллюстрируем это положение на ряде примеров.

В I томе нашей работы мы видели, как декрет о суде № 1 в основной своей — 2-й — ст. говорил об избрании судей на основе «прямых демократических выборов», допуская назначение таковых советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов лишь как временный порядок. Этими же советами, говорит та же статья, составляются списки очередных заседателей и определяется очередь их явки на сессию. В области процесса тот же декрет лишь обещал, что о судопроизводстве будет издан особый закон. В то же время декрет считал нужным в ст. 3 указать, что «в роли обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия... допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами».

В этом абзаце чрезвычайно характерны оба факта: и тот, что, не ожидая общего декрета о судопроизводстве, была дана эта процессуальная норма — допущение защиты в стадии предварительного следствия, которой не было в уставах 1864 г., но о которой всегда мечтала либерально-буржуазная интеллигенция, почему именно ее декрет о суде № 1 считал необходимым немедленно провести совершенно без учета обстановки текущего дня и классовой природы той самой интеллигенции, которая именно в этот период заняла по

отношению к советской власти резко враждебную, активно антисоветскую позицию; и второй факт, не менее характерный,— тот, что к роли обвинителей и защитников закон допустил всех без ограничений «неопороченных граждан».

Второй законодательный акт эпохи — Инструкция революционным трибуналам от декабря 1917 г., — в области процессуальных норм установила: 1) обязательное участие сторон (ст. 6); 2) свободное допущение любого лица в качестве обвинителя или защитника. При этом нужно сказать, что Коллегия правозаступников образовывалась путем свободной записи любых лиц, представивших лишь «рекомендацию совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (еще бы!). Кроме этих обвинителей и защитников инструкция допускала участие в прениях любого обвинителя или защитника *из публики* (!!). И на таких принципах строился процесс для судов, имевших задачей «борьбу против контр-революционных сил, для ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц» (ст. 8 декрета № 1 о суде).

Но наиболее яркими примерами безраздельного господства идей либерально-буржуазного права является декрет о суде № 2, созданный в период комиссарства левого эсера Штейнберга. Ст. 8 этого закона прямо говорит:

«Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам *происходит по правилам судебных уставов 1864 г.*, постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального исполнительного комитета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов и Совета народных комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов.

Никакой закон, который в какой бы то ни было мере отменял бы эти правила, однако издан не был, и царские судебные уставы были признаны таким образом целиком соответствующими и правосознанию трудящихся и задачам и целям общего социального строительства, взявшего в свои руки власть пролетариата.

Сдвиг в этом отношении начался лишь с момента вступления в Народный комиссариат юстиции т. Стучки и издания им первой инструкции народным судьям от июля 1918 г., где была сделана первая попытка построения *своего* процесса и правила последнего были изложены в ст. ст. 21 — 39. Эти правила перешли потом в Положение о народном суде, где ст. 22 указала, что «при

рассмотрении всех дел народный суд применяет декреты рабоче-крестьянского правительства, и лишь в случае отсутствия таковых или неполноты их руководствуется социалистическим правосознанием». В особом примечании эта статья одновременно *прямо запрещала ссылки на законы свергнутых правительств*. Ст. 24 этого Положения одновременно определяла основной советский принцип свободы суда в оценке доказательств («народный суд не стеснен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить любые доказательства или потребовать их от третьих лиц»).

Это уже была полная революция против авторитета уставов 1864 г., но, однако, это еще не было революцией против принципов буржуазного процесса. Производство дел определялось ст. ст. 53—80 и все же строилось на тех же принципах гласности, непосредственности и, главное, состязательности процесса.

Иначе, однако, была построена Коллегия защитников. Она строилась уже при советах, причем члены ее получали определенный оклад в качестве советских должностных лиц. В остальном принципы процесса остались те же.

Мало изменило дело и Положение о народном суде 1920 г. Революционной статьей здесь была лишь ст. 47, допускавшая защиту в народном суде лишь *факультативно*, «в зависимости от характера дел и личности обвиняемого». Однако при наличии обвинителя народный суд *обязывался* допустить или назначить защитника. Одновременно назначение защитника было обязательно, если о том просил «обвиняемый, содержащийся под стражей». Последнее примечание по существу аннулировало все реальное значение ст. 47.

Самый процесс в Положении о народном суде 1920 г. формулировался ст. ст. 53—82 и никаких изменений и отступлений от принципа Положения 1918 г. в себе не заключал.

Трибунальная юстиция прошла тот же путь освобождения от власти старых традиций, но более решительным темпом. После штейнбергской инструкции уже декрет от 9 мая учреждал при революционных трибуналах специальную Коллегию общественных обвинителей, на которую было возложено публичное обвинение по всем делам в судебных заседаниях. Этот факт следует толковать в двояком смысле: и как подтверждение принципа состязательности процесса в исключительных судах, какими должны были быть революционные трибуналы, и в то же время как признание необходимости особого усиления задач государственного обвинения, т. е. задач охраны общественного порядка.